

КАВКАЗЪ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ Тифлисъ: въ Канцеларіи Намѣстника Кавказскаго и въ Тифлисской Почтовой Канторѣ. Въ С. Петербургѣ: въ Газетной Экспедиціи С.-Петербург. Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ В. А. и Я. А. Исаконыхъ, г. Брашенинкова, и С. П. Лоскутова. Въ Москвѣ: въ Газетн. Экспедиціи Московск. Почтамта. Подписываться также можно и во всѣхъ Губернскихъ Почт. Канторахъ.

1853.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

Годное изданіе съ пересылкою . . . 8 р. 50 к.
Полугодовое 4 * 50 к.
Газета печатается съ платою за каждую букву по 1/4 коп. сер. со всѣхъ объявленій безъ всякаго исключенія.

Его Императорское Величество соизволило отдать слѣдующіе приказы:

Въ присутствіи Своемъ въ Варшавѣ.

Сентября 11/25-го дня 1853 года. Умершій исключается изъ списковъ. Состоявшій по Арміи: Командиръ Черноморскаго Ливійнаго баталіона № 4-го, Полковникъ **МАРТЫНОВЪ** 2-й.

Въ присутствіи Своемъ въ Ольмюцѣ.

Сентября 19/24-го дня. Производится за отличіе въ дѣлѣ противъ **Горцевъ**. Грузинскаго Ливійнаго баталіона № 13-го, изъ Подпоручиковъ въ Поручики **ИВАНОВЪ**, со старшинствомъ съ 20-го Мая сего года.

Сентября 12/28-го дня. Переводятся: Черноморскихъ Ливійныхъ баталіоновъ № 3-го: Подпоручикъ **ЛЮКЕВИЧЪ** и Прапорщикъ **РАМБАХЪ**, — оба въ Черноморскій Ливійный баталіонъ № 15-го. № 15-го, Поручикъ **ГАЛИЦКІЙ**, въ Черноморскій Ливійный баталіонъ № 7-го. Увольняется въ отставку: Оберъ-

Квартирмейстеръ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, Свѣты Его Императорскаго Величества Генераль-Маіоръ **ВОЛЬФЪ** — на годъ.

ТИФЛИСЬ, 7-го Октября.

Сентября 24-го дня, въ Каджорахъ, Его Свѣтлость Господинъ Главнокомандующій изволилъ отдать слѣдующіе приказы по Отдѣльному Кавказскому Корпусу:

Съ сформированіемъ нынѣ по Высочайшему повелѣнію дѣйствующаго Корпуса на Турецкой границѣ, назначаю въ сей Корпусъ:

Начальникомъ Артиллеріи: Начальника Артиллеріи Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, Генераль-Маіора **Бриммера**. **Начальникомъ Инженеровъ:** Командира Грузинскаго Нижегороднаго Округа и Начальника Инженеровъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, Генераль-Маіо-

ра **Ганзена**. Въ распоряженіе Командующаго Корпусомъ Генераль-Лейтенанта Князя **Белубова:** Состоящаго при Отдѣльномъ Кавказскомъ Корпусѣ, Генераль-Маіора **Кишинскаго**. **Полковниковъ:** Состоящаго въ распоряженіи моемъ и Начальника Главнаго Штаба войскъ, на Кавказѣ находящихся, числящагося по арміи **Булакова**. Состоящаго по кавалеріи **Колубакина** 2. Представленнаго къ переводу въ Дагестанскій Пѣхотный полкъ **Шостака** и Генеральнаго Штаба Полковника **Сопчина**.

— По прибытіи 15 пѣхотной Дивизіи на Кавказъ, предписываю расположить штабы этой Дивизіи: Дивизионный и 1 бригады въ г. **Тифлисъ**, 2 бригады въ г. **Ахалцихъ**.

— Въ послѣднемъ № **Вѣд. Моск. Гор. Полиціи** напечатано, что Чрезвычайный Посланникъ Его Величества **Шана Персидскаго, Садръ-**

ФЕДЬЯТОНЪ.

РАЗСКАЗЪ СОЛДАТА.

Я слышалъ этотъ разсказъ отъ рядоваго 1-й роты Кавказскаго Сапернаго Баталіона Елисея Ефина, и передаю его какъ слышалъ, ничего не прибавляя и не убавляя. Знакомые съ кавказскими военными дѣлами могутъ узнать, повѣрить — на сколько есть правды въ словахъ моего разсказчика; но его увѣренный видъ, его открытая фізіономія заставляютъ меня думать, что если онъ, говоря о своихъ подвигахъ и прихвастнулъ — то очень немного. Вотъ его разсказъ:

Въ 1843 году, въ укр. Балаканахъ, мы были кругомъ атакованы Шамилемъ съ многочисленною его ордою, и чуть-ли было ихъ не до 30 тысячъ, а у насъ-то всего два баталіона Графцевъ и Тифлисцевъ, да наша 1-я рота Саперовъ; отрядомъ командовалъ полковникъ Ясневскій. Вотъ и началъ вызывать охотниковъ, чтобы послать къ подполковнику Пассеку вѣсточку въ Хунзахи. Сначала изъ баталіоновъ никто не вызвался; нашъ ротный командиръ поручикъ Берстель собралъ всю роту и началъ говорить: — ну, братцы! кто выйдется изъ васъ охотникъ, тому награда будетъ 50 р. сер. и Георгіевскій крестъ.

Всѣ молчали... вижу, что никто ни слова; во мнѣ пробудилось ретивое; встѣ я и рѣшился и думаю себѣ: все равно, двухъ смертей не будетъ, а одной не миновать, за то будетъ мнѣ вѣчная память! и сказалъ ротному командиру: я, ваше благородіе, желаю. Ты Ефинъ! спасибо братъ тебѣ, спасибо! я радъ, что ты вызвался на такой славный подвигъ! ты всегда былъ исправный малый. Такъ вотъ же: кромѣ той награды, я отъ себя еще обѣщаю тебѣ 25 р. сер.

Покорнѣйше благодаримъ, ваше благородіе, радъ стараться, отвѣчалъ я.

Какъ только услышали солдаты въ баталіонахъ, что

изъ Саперъ вызвался охотникъ, то изъ Графскаго полка вызвался мнѣ въ товарищи рядовой Тильченко. Вотъ поручикъ Берстель и повелъ насъ къ полковнику Ясневскому.

Ну, братцы! вы желаете въ охотники въ Хунзахи, къ Пассеку? спросилъ насъ полковникъ.

— Желаемъ, ваше высокоблагородіе, отвѣчали мы.

Такъ черезъ три часа послѣ пробитія зари, будьте готовы въ дорогу и явитесь ко мнѣ.

— Слушаемъ, ваше высокоблагородіе.

Прійдя въ роту, я помолился съ усердіемъ Богу и потомъ пошелъ къ фонтану; обмывшись тамъ водою и надѣвъ бѣлую рубашку, возвратился къ товарищамъ, а они уже ждутъ не дождутся меня.

Ну, Ефинъ! вышей-ка на дорожку, авось веселѣе будетъ идти.

— Спасибо вамъ братцы! теперь совсѣмъ не до водки, надо идти въ такой путь лучше съ молитвой ко Господу.

И правда! примолвили много.

Зорю давно пробилъ и время идти уже близилось; намъ обрѣзали пуговицы и погоны у нашихъ мундировъ, надѣли сверху бурки и косматые шапки, дали по 10-ти патроновъ и по ружью и сказали: въ случаѣ неустойки вашей братцы, бросьте ружья, въ томъ вы не будете виновны. И въ такомъ-то нарядѣ повели насъ опять къ полковнику Ясневскому.

Прощайте братцы! сказалъ я своимъ товарищамъ: оставляю вамъ все свое имѣніе, и коли Богъ поможетъ возвратиться, хорошо, а коли нѣтъ, то поманите меня чѣмъ только богать.

Прощай Ефинъ! мы будемъ молиться Богу объ тебѣ! кричали мнѣ со всѣхъ сторонъ.

— Спасибо вамъ братцы! прощайте еще разъ! и слезы у меня навернулись на глазахъ.

Когда пришли къ полковнику, то онъ взялъ со стола не малое письмо, и, подавая мнѣ, сказалъ: спрячь его и доставь лично самому подполковнику Пассеку въ Хунзахи.

Слушаю, ваше высокоблагородіе; только нельзя ли письмо сдѣлать по меньше, чтобы я могъ проглотить въ случаѣ опасности; пусть лучше подъ языкъ, чѣмъ дамъ знать непріятелю о томъ, что тамъ напиано.

— Хорошо любезный, хорошо; я вижу ты молодецъ! и тотчасъ сдѣланъ былъ другой конвертъ, какъ сдѣдуетъ, и огданъ мнѣ.

Теперь съ Богомъ, братцы! услуга ваша велика для всѣхъ насъ, и коли возвратитесь, получите достойную награду, сказалъ полковникъ.

— Идя къ воротамъ укрѣпленія, дорогою спросилъ меня поручикъ Берстель: не нужно-ли тебѣ денегъ, Ефинъ?

Нѣтъ ваше благородіе, не нужно, отвѣчалъ я: къ чему деньги въ такую опасную дорогу? у меня вотъ есть трехъ-рублевикъ, да и тотъ бы отдалъ на свѣчи Пресвятой Богородицѣ и Николаю Угоднику!

Не помню какъ мы вышли изъ укрѣпленія, только помню, что когда остались мы вдвоемъ, въ темную ночь, вѣтеръ жалобно свисталъ намъ прямо въ уши; я сказалъ товарищу тихонько: не робѣй! съ нами Богъ! скажи: какъ тебя звать?

Тильченко, а тебѣ?

Ефинъ; ну, братъ Тильченко, теперь надобно взяться за умъ; робость не поможетъ; давай сперва помолиться Богу... Почолившись на всѣ четыре стороны и призвавши на помощь Михаила Архангела, это было какъ разъ подъ Михайловъ день (7-го ноября), мы побѣжали прямо въ сани. Въ эту ночь намъ нужно было сдѣлать до зори почти 30 верстъ и все черезъ непріятельскій сборища.

Когда добѣжали до непріятельскихъ огней, я сказалъ товарищу: ну, братъ! тутъ надо хитрить, мы будемъ идти не такъ скоро, на три шага одинъ отъ другаго, рядомъ; ты на меня посматривай частенько, а я на тебя, да гляди въ оба, иначе пропадемъ; а Богъ дастъ и пройдемъ!...

А сколько тамъ было татарщины, упаси Господи! и

Мирза-Могаммед-Гуссейпъ, возвращаясь въ Персію, выехалъ изъ Москвы, 17-го ч. сентября, въ Тифлисъ.

Вѣсти изъ Петровскаго укрѣпленія.

Пріятно сообщать о всякомъ добромъ дѣлѣ вѣ даже благомъ намъ: тѣмъ отраднѣе дѣлать извѣстными событія, подобныя происшедшему 28-го іюня въ нашемъ Петровскомъ Укрѣпленіи.

Этотъ день — останется незабвеннымъ для жителей Петровскаго. Мы были свидѣтелями освященія мѣста и заложенія храма, происшедшихъ при большомъ стеченіи народа — Русскихъ и Татаръ. Это явленіе истинно — утѣшительное въ христіанскомъ мірѣ.

Въ краю, гдѣ много, много лѣтъ слышны были только возгласы мullahъ съ мечетей лже-пророка, воздвигается храмъ Бога истиннаго, гдѣ въ стройномъ пѣніи вознесутся молебны къ престолу Всевышняго!

Церемонія, сопровождавшая священныи обрядъ освященія мѣста и заложенія церкви, сильно подѣйствовала на туземцевъ, собравшихся на базаръ изъ соседнихъ деревень въ довольно значительномъ числѣ и печально находившихся при ней. Соединеніе крестнаго хода съ военнымъ парадомъ, благоговѣніе присутствовавшихъ христіанъ — все это представляло

умилительное и величественное зрѣлище. Многие изъ туземцевъ невольно — безсознательно снимали свои косматыя шапки и кланялись символу спасенія.

По совершеніи Божественной Литургіи въ церкви, находящейся нынѣ въ казармахъ линійнаго № 14 баталіона, процессія, предшествуемая крестнымъ ходомъ, изъ крѣпости отправилась торжественно на площадь форштадта къ предназначенному мѣсту. По прибытіи на мѣсто отслуженъ молебенъ съ водоосвященіемъ, послѣ чего фундаментъ окропленъ Св. волюю. Когда былъ водруженъ Крестъ на мѣстѣ Престола, приступлено было къ самому заложенію храма. Священникъ, положивъ первый камень, пригласилъ къ сему находившихся при этомъ командира 5-й бригады Грузинскихъ линійныхъ баталіоновъ генералъ-маіора Далина и командира Грузинскаго линійнаго № 14 баталіона подполковника Ивана Филиповича Кендзержинскаго, священникомъ отцемъ Петромъ Поновичкимъ. При семъ отецъ Петръ произнесъ приличную рѣчь, въ которой доказывая сколько необходимо храма, онъ выразилъ сердечное желаніе, чтобы храмъ сей скорѣе совершился, призвавъ въ помощь Бога и Св. Его Апостоловъ Петра и Павла, имени которыхъ онъ посвящается.

(*) Закладка предполагалась этого числа, но по обстоятельству отбыла на 28-е число.

за, Его Свѣтлости Михаила Осиповича Воронцова и Командующемъ войсками (въ) Кавказскомъ Краѣ, генералъ-адъютантъ князь Моисей Захарьевичъ Аргутинскій-Долгорукомъ. На другой сторонѣ: Закладка сдѣлана въ бытность командира 5-й бригады Грузинскихъ линійныхъ баталіоновъ, генералъ-маіора Михаила Ивановича Далина и командира Грузинскаго линійнаго № 14 баталіона подполковника Ивана Филиповича Кендзержинскаго, священникомъ отцемъ Петромъ Поновичкимъ. При семъ отецъ Петръ произнесъ приличную рѣчь, въ которой доказывая сколько необходимо храма, онъ выразилъ сердечное желаніе, чтобы храмъ сей скорѣе совершился, призвавъ въ помощь Бога и Св. Его Апостоловъ Петра и Павла, имени которыхъ онъ посвящается.

Желая почтить память Великаго Преобразователя Россіи Петра I-го, осѣтившаго здѣшнее мѣсто своимъ посѣщеніемъ въ 1722 году, храму дали наименованіе Петропавловскаго. Это общее желаніе и желаніе прекрасное; въ немъ виденъ духъ Русскаго народа, выражающійся всегда и вездѣ благоговѣннымъ уваженіемъ къ своимъ державнымъ Помазанникамъ. Храмъ строится по подпискѣ, изъ пожертвованій гг. офицеровъ и нижнихъ чиновъ Грузинскаго линійнаго № 14 баталіона и другихъ частныхъ приношеній, въ числѣ которыхъ нельзя не упомянуть о приношеніи, сдѣланномъ Его Императорскимъ Высочествомъ Госуд-

вѣсь они какъ шмелъ жужжать, одни кружками сидѣть, другіе стоя на нихъ глядѣть, а иные ходятъ толпами; мнѣ показалось ихъ тамъ цѣлый миллионъ! но мы шли не робѣя и знали слова два-три по татарски.

Вдругъ говорятъ мнѣ: Аллассъ сагласъ!

— Хоще нѣлы, арагиты чурекъ царъ нѣ ахтуръ, курсакъ пропадъ! отвѣчать я.

Инымъ же я самъ говорить: Аллассъ сагласъ!

Но подчасъ бывало, скажешь имъ такое словечко, что и самъ послѣ одумавшись, что не то сказалъ, объ чемъ спрашиваютъ... ну, да все равно, главное дѣло, не робѣй! вотъ и все тутъ, иди смѣло, да на умѣ лишь держи: да воскреснетъ Богъ и разгочается враги его... такъ все ни почемъ. Такъ-то и съ нами случилось; мы прошли весь станъ непріятельской и ни кто не остановилъ насъ. Экой глупой народъ!...

Но какъ пришли мы до мокрой балки, гдѣ стояла непріятельская цѣпь, то тутъ проклятыя колючка совѣмъ замучила насъ; часовые стояли довольно часто одинъ отъ другаго; но я позабылъ сказать, что мы всю дорогу шли босыми, а сапоги несли за плечами. Что дѣлать? говорю товарищу на ухо, тутъ нужно какъ можно острѣй уши держать... тише! вотъ плеть бусурманскій часовой и прямо на насъ; давай приляжемъ; а самъ приотомилъ на всякій случай и навелъ ружье на него, а въ другой рукѣ держу нисъмо. Такъ и думалъ, коли онъ замѣтитъ насъ и слѣзаетъ тревогу, то пошлю ему пулю прямо въ лобъ, а тамъ какъ Богъ дастъ. Но часовой, не доходя шага четыре до насъ, остановился, зѣвнулъ разъ, другой, что-то пробормоталъ и опять пошелъ обратно къ своему мѣсту, а мы-то и дальше отъ него; двинемся ползкомъ сажени двѣ по колючкѣ, да какъ завидимъ снова, что онъ приближается къ намъ, — мы ни гугу, лежимъ ни живы ни мертвы, а сердечушко-то чуть не выскочитъ... И такимъ манеромъ когда перелѣзли черезъ тропинку, по которой ходилъ часовой, и миновали всю колючку — то будто на свѣтъ народились! Слава Всевышнему! ну, братъ Тильченко, вѣрно наши родители молятъ Бога за насъ день и ночь!

Такъ-то, такъ Ефинъ! отвѣчалъ онъ; да вотъ бѣда: у меня шаровары-то всѣ изорвались и кажись кровь течетъ.

И, братъ! посмотри-ка у меня, такъ одни клочки отъ штановъ, да вѣло-то въ клочкахъ; но не время намъ раздобаривать. Ну-ка братъ, маршъ впередъ! и пустились прямо... Ни оврагъ, ни кустарникъ намъ не мѣ-

шала, упадешь подчасъ, встанешь живо какъ ни въ чемъ не бывалъ и опять въ путь...

Вотъ мы бѣжали, бѣжали... вдругъ толпа непріятелей. Вижу я, идутъ они на насъ. Свернемъ-ка съ дороги, сказалъ я товарищу, и побѣжимъ вотъ по этому ущелью, кажись это будетъ лучше. И мы принялись бѣжать, а тамъ еще препятствіе — густой бурьянъ... Вдругъ слышимъ шумъ какъ будто толпа горцевъ вперед... стой! ложись! сказалъ я тихо: нужно поразсмотрѣть!... и наконецъ видимъ, что это баранта (*). У нихъ вѣрно есть собаки, а они далеко слышатъ чужой духъ; нужно отступить куда нибудь въ сторону и обойти баранту; такъ мы и слѣдали и пробѣжали въ аулъ, гдѣ не было ни души живой, даже не видѣли ни кошки, ни собаки. Оттуда ударились мы къ Танусамъ. Начало уже свѣтать. Видимъ, въ аулѣ лошади стоятъ. Что дѣлать, братъ? говорю товарищу, неужь-то дневать намъ здѣсь?... Нѣтъ, по моему, лучше пойдемъ, во что не станеть! погнать, такъ погнать — все равно; вѣдь мы обрели себя на смерть, такъ чего жъ намъ трусить? смерть не страшна за великое дѣло. И такъ съ Божією помощію впередъ...

Вотъ мы и прошли аулъ; хоть лошади-то и стоятъ, да людей не видать, а все Богъ! почемъ знать, можетъ быть нарочно Онъ мнѣ глаза затуманилъ, чтобы мы могли покорѣй исполнить наше порученіе. Пустились снова бѣжать...

До крѣпости уже мало оставалось; мы увлѣли близко ручеекъ и кинулись туда. Обмывши нѣсколько лице и аненыя ноги, прибѣжали въ Хунзахи. Но тутъ опять остановка: недопуская насъ до крѣпости, часовой вскричалъ: — стой! ни съ мѣста! а то убью! что вы за люди?

— Мы посланы по службѣ къ вашему отрятому начальнику подполковнику Пассеку, — отвѣчать я, и стали — было идти.

Стой! не подходи! или я не сказалъ вамъ: — убью! а послѣ закричалъ онъ: — послать дежурнаго офицера!

Тотъ-часъ явился офицеръ и закричалъ намъ: — бросьте оружіе и потомъ идите въ крѣпость.

Исполнили мы приказаніе; ворота открылись и мы вошли въ крѣпость.

Съ вами есть пакетъ? спросилъ дежурный офицеръ. Есть ваше благородіе, отвѣчалъ я.

Давай сюда.

Не могу отдать вамъ, ваше благородіе.

(*) Стадо овъ цѣ.

Какъ! ты не можешь отдать мнѣ, почему?

Мнѣ приказано сдать его лично подполковнику Пассеку, въ собственныя руки, такъ я и долженъ это исполнить.

— Молодецъ! хвалю за такой отвѣтъ, сказалъ офицеръ, пойдемъ къ Пассеку.

Дорогою нѣкоторые солдаты, увидѣвъ насъ, говорили: — вѣрно бродяги, видать по всему; у Шамилъ-хана не достало пищи, такъ вотъ они и тягу сюда; другіе: — а! голубчики! попалась, ужъ вѣрно подосланные Шамилемъ, такъ вотъ на васъ сей-часъ и кандалы налягутся; а иной кто скажетъ: — нѣтъ этого мало, голову долой варварамъ! можетъ быть отступники вѣры! И много, много говорили разныхъ разностей... Но я только вздыхалъ и думалъ просебя: охъ братцы! братцы! напрасно вы заводите такія клеветы; мы для васъ же на смерть себя обрели, а вы осуждаете насъ... Богъ съ вами! думаю, надобно терпѣть до времени...

Когда пришли мы къ Пассеку, то адъютантъ сказалъ намъ: обождайте, братцы! а сей-часъ доложу объ васъ.

И вотъ выходитъ Пассекъ и говорить намъ: — здравствуйте, молодцы!

Здравія жеедемъ, ваше высокоблагородіе!

Вы принесли мнѣ пакетъ?

Точно такъ ваше высокоблагородіе, и я отдалъ ему маленькое письмецо.

Сначала онъ былъ такой веселый и такъ радъ, что увидалъ письмо; но какъ началъ читать, такъ лице и затуманилось. Когда кончилъ — вздохнулъ и сказалъ намъ: котораго вы полка, братцы?

Я отвѣчалъ: Кавказскаго Сапернаго баталіона, ваше высокоблагородіе.

А ты братецъ? спросилъ онъ моего товарища.

Князя Варшавскаго полка, ваше высокоблагородіе.

Онъ поцѣловалъ насъ въ голову и сказалъ: — ну, братцы! за Богомъ молитва, за Царемъ служба никогда не пропадутъ: ежели я буду живъ, то будетъ извѣстно объ васъ Царю.

Покорнѣйше благодаримъ ваше высокоблагородіе, рады стараться, отвѣчали мы въ одинъ голосъ.

Но вотъ что братцы: смотрите, никому не говорите, что вы посланы изъ Балакана лазутчиками, сохрани васъ Богъ; а говорите всѣмъ, что вы бѣжали изъ плѣна.

Слушаемъ, ваше высокоблагородіе.

ремь Наслѣдникомъ. Онъ соизволилъ пожертвовать на предметъ сей 1,500 р. сер.

ПИСЬМО СЪ УСТЬЕВЪ ДОНА.

Слобода Недвигова, Августъ.
(Окончаніе).

Самый заманчивый, самый привольный промыселъ—это рыболовство. Оно почти исключительно занимаетъ всѣхъ казаковъ, живущихъ въ гирляхъ или устьяхъ Дона; зимою и весною къ нимъ присоединяются жители торговыхъ станицъ: обихъ Черкасскихъ, Аксайской и др. Чтобы «рыбалить» летомъ, надо имѣть нѣкоторый капиталъ; зимніе морозы устраниаютъ необходимость рвать и солить рыбу. Поэтому въ лѣтніе мѣсяцы, въ станицахъ, наиболее рыболовныхъ, остается не болѣе какъ по 40 хозяевъ, продолжающихъ заниматься ловлею. Каждый изъ нихъ имѣетъ до 10 рабочихъ; для рванья рыбы обыкновенно нанимаются казачки изъ Калмычекъ, которыя и здѣсь не покидаютъ своихъ кибитокъ, но сами онѣ значительно отличаются отъ степныхъ; многія родились въ тѣхъ станицахъ, въ которыхъ теперь живутъ и никогда не выехали изъ нихъ; между ними есть нѣсколько блочурныхъ, голубоглазыхъ и вообще напоминающихъ своихъ одноземельницъ только нарядами. Для соленья рыбы берется соль изъ Манычскихъ озеръ; каждый казакъ имѣетъ право ломать ее, запла-

тивъ самую ничтожную пошлину, именно 6 к. сер. за пудъ, или даже меньше, ибо возъ полагается примерно въ 60 пудовъ, и по этому расчету, со всякаго воза берется 3 р. 60 к. сер., но добрая пара воловъ можетъ вывезти до 120 пудовъ. Кроме того, отъ казны дается безплатно каюкъ (небольшая лодка), чтобы довести соль до берега черезъ густую грязь, по которой люди скользятъ на лыжахъ, какъ по тонкому льду. Наконецъ,—вывозъ соли за пределы Войсковой земли запрещенъ. Всѣ эти обстоятельства дѣлаютъ то, что цѣнность этого продукта стоитъ всегда на низкой ступени. Постройка сараевъ, а также башенъ и бугуновъ для сушенія рыбы, стлѣнъ для свѣей, садковъ, не можетъ обходиться слишкомъ дорого; но крайней мѣрѣ, при нѣкоторой экономіи, оно не было бы обременительно для всякаго низоваго казака, но экономіи—то именно здѣсь и не заведено, и потому, какъ сказано, летомъ рыболовный промыселъ сосредоточивается въ рукахъ нѣсколькихъ хозяевъ. За то зимою ихъ является въ нѣкихъ станицахъ до 500; Донъ оживаетъ; вдоль по обонимъ берегамъ его дѣлаются проруби, и въ нихъ опускаются вертикальныя свѣи, называемыя «сежами»; съ боку у нихъ находится «матни» или мѣшки, въ которые заходитъ рыба, встрѣтивъ на пути своего преграду. Только посреди рѣки остается свободное мѣсто для прохода рыбы, и за соблюденіемъ этого правила обязана смотрѣть команда, собственно для того назначен-

ная и довольно многочисленная. Рыба отъ золу теряетъ великую живость, бродитъ какъ полусонная и почти прямо идетъ въ руки. При каждой сежѣ находятся работники, по большей части, исполщики, т. е. такіе, которые дѣлятъ между собою половину добычи, представляя другую половину. Отъ времени до времени поднимаютъ матню. Однимъ привалло на нѣсколько сотенъ рублей; другіе посылаютъ домой за конемъ, чтобы выгнать на конѣ огромнаго осетра или бѣлугу; третьи не поймали ничего. Между тѣмъ замерзшая рыба тутъ же складывается на воза и отправляется привъзжими кушцами во внутреннія губерніи. Рабочіе безпрестанно ходятъ отогреваться въ кабаки. (Вообще въ Землѣ Войска Донскаго выписывается ежегодно довольно значительное количество пивника, не мене 500,000 ведеръ). Ночью дѣятельность не прекращается. У матней зажигаются фонари, по рѣкѣ протягивается двойной рядъ огней, и ловъ продолжается до самаго утра. Но выгоднѣйшая ловля происходитъ въ морѣ. Зимою туда отправляются люди на два, на три мѣсяца, обрекая себя на страшный холодъ и на величайшія опасности. Часто ледъ замерзаетъ очень тонкимъ слоемъ и лишь на нѣсколько дней, въ бурю его снова разламываетъ, и тутъ иногда гибнутъ промышленники; къ числу такихъ зимъ принадлежала и прошлая. Во все это время бѣдный «рыбалка» видитъ только своихъ товарищей, да возщиковъ, которые привъзжаютъ за рыбою на

Теперь идите и отдохните, и будьте готовы опять въ дорогу.

Слушаемъ, ваше высокоблагородіе.

Повели насъ во 2-ю роту ливійскаго баталіона. Я сказалъ вамъ, что мы вышли изъ Балаканъ подъ Михайловъ день, и вотъ мы пришли какъ разъ на ротный праздникъ. Отслушавъ молебень; я молился съ великимъ усердіемъ, что Богъ спасъ меня отъ явной смерти; ибо незадолго нѣсколько охотниковъ погибло—ни слуху ни духу. Оттого-то никто и не рѣшался идти въ такой опасный путь; только мы выжили.

По окончаніи молебна, солдаты начали веселиться, а на насъ бѣдныхъ посматривали изъ подлѣбья и нѣкоторые говорили:—ихъ не принять, а должно повѣсить, посмотри-ка, у нихъ глаза-то не такъ глядятъ, какъ у православныхъ христіанъ.

Но вѣдь они же молились Богу и на колѣнахъ. . .

А ты ужъ повѣрилъ имъ! видѣлъ я много такихъ ашицъ!

Я не вытерпѣлъ и заплакалъ.

Но когда пришелъ дежурный офицеръ и сказалъ въ ротѣ:—вы братцы не оставляйте этихъ плѣнныхъ; подполковникъ Пассекъ разсмотрѣлъ бумаги и нашелъ ихъ дѣйствительно невинными, и кромѣ того они еще оказали какую-то услугу для насъ всѣхъ,—тогда-то открылся и на нашей улицѣ праздникъ: одни просили насъ къ столу, другіе несли намъ водку, говядину и все что было у нихъ и пошелъ пиръ горой! но я все-таки остерегался и думалъ о томъ, что сказалъ намъ Пассекъ.

Мы пробыли въ Хунзахахъ два дня, а на третій, когда пришли изъ Балаканы еще два охотника: помогло только, что одного называли Егоровымъ, а другаго я зналъ—Тифлисскаго полка рядовой Чуйкинъ, то насъ ночью же потребовали къ подполковнику Пассеку. Онъ сказалъ намъ:—ну, братцы! я буду просить васъ оказать послѣднюю для насъ услугу: пройдите обратно въ Балаканы съ этимъ конвертомъ.

Слушаемъ, ваше высокоблагородіе, отвѣчали мы, а кромѣ того осмѣлился промолвить: коли назвался груздемъ, такъ долженъ ползѣть въ кузовъ.

Молодецъ саперъ! спасибо тебѣ братъ, спасибо! такъ вотъ тебѣ конвертъ, отдай его лично самому подполковнику Ясинскому, а въ случаѣ опасности, прогони его; еще вотъ вамъ 10 р. сер., но это братцы не все; если я буду живъ, то вы увидите не то. Только постарайтесь какъ можно осторожнѣе идти и до-

ставить этотъ пакетъ; онъ заключаетъ въ себѣ и вашу и нашу жизнь. И такъ съ Богомъ ребята! да будетъ вамъ и честь и слава на вѣки! и Богъ васъ не оставитъ. Прощайте братцы! вамъ пора теперь идти.

Щастливо оставаться ваше высокоблагородіе, некорнѣйше благодаримъ.

Прощайте, прощайте братцы! сказалъ онъ намъ вслѣдъ—Богъ вамъ помощникъ!

Повели насъ молодцовъ прямо за крѣпость. Зорю уже давно пробыли, и мы вышли изъ Хунзахъ въ ту же пору, какъ и изъ Балаканъ. Помолвись опять на всѣ четыре стороны—и бѣжать. Обратный путь еще счастливѣе былъ для насъ. Вотъ ужъ миновали мы послѣднія толпы горцевъ и видимъ не далеко отъ Балаканъ горитъ аулъ, а намъ показалось, что это горитъ наше укрѣпленіе. Ну, братъ! говорю товарищу:—кажись наши-то погибли, что дѣлать? надо остановиться, да толкомъ поразмыслить: какъ и въ чемъ дѣло. Ежели нашихъ уже нѣтъ, то давай улазить къ морю, а тамъ Богъ дастъ какъ выбудемъ спасемся, или назадъ вернемся. Заря заимчалась и было ужъ свѣтленько Мы запрятались куда только могли и пробыли на одномъ мѣстѣ часу до 12-го дня. Вдругъ на насъ наткнулся татаринъ съ двумя женами, тащившими по выюку за плечами. Увидя насъ, татаринъ тотчасъ ружье на руку и началъ было дѣлаться въ насъ.

Тохта, тохта кардашъ! закричалъ я ему. Арагаты? спросилъ онъ, опуская ружье.

Пробормотавъ что-то про себя, татаринъ улазилъ съ женами.

Но мы боялись, чтобы онъ не далъ знать объ насъ, потому что кругомъ стояли ихъ пакеты. Убить бы татарина, думали: да какъ бы не сдѣлать тревогу и тогда бы мы пропали. Не раздумывая долго, ударился мы бѣгомъ къ Балаканамъ, прямо на гору, и взбѣжавъ на верхъ увидели свой пикетъ на курганѣ. То-то сердечушко забилось отъ радости! и мы побѣжали подъ гору, а тутъ за нами татары изъ садовъ пустились и все кричать, чтобы передовали насъ. Намъ оставалось не болѣе версты полторы до крѣпости. . . Вдругъ я споткнулся подъ горку и скатился внизъ, ужъ право не помню сколько саженой, только помню, что крѣпко ударился грудью объ камень, такъ сильно, что еще и теперь частенько побаливаетъ; я былъ тогда какъ сумасшедшій; вскочивъ съ мѣста я закричалъ:—не робѣй товарищ! впередъ!

Опомнись братъ Ефинъ! вѣдь мы ужъ вотъ на нашемъ пикетѣ, сказалъ мнѣ товарищъ.

И тогда лишь я пообразумился немного, когда на пикетѣ закричали намъ:—здоровы братцы! какъ васъ Господь принесъ обратно, и какъ вдулъ дѣла?

Скоро братцы все узнаете сами, отвѣчалъ я, и вздохнулъ по свободѣ. . . намъ не время съ вами говорить и попустому время тратить; слава Богу, что вы видите насъ живыми.

Ну, братъ Ильченко! теперь мы дома, однако же все-таки пойдемъ поскорѣй. Богъ знаетъ! можетъ быть мы и такъ ужъ промедлили.

Приходимъ въ крѣпость. . . Боже мой! съ какою радостью встрѣтилъ насъ полковникъ Ясинскій, когда я отдалъ ему письмо отъ подполковника Пассека. Разъ три прочиталъ онъ письмо и все приговаривалъ: спасибо братцы! спасибо братцы! Наконецъ онъ далъ намъ 10 р. сер. и сказалъ: это братцы вамъ отъ меня, а общенная награда въ скорости будетъ. Теперь идите и отдохните; вы сдѣлали большое дѣло и важную услугу для насъ всѣхъ.

Когда пришелъ я къ моимъ товарищамъ, то со всѣхъ концовъ кричали мнѣ: Ефинъ! Ефинъ! ты-ли это; намъ чудится, что ты братъ съ того свѣта возвратился! А другіе говорили:—мы ужъ тутъ, братъ, объ тебѣ давно прощали: вѣчную память! и молили: дай Богъ ему царство небесное и вѣчный покой его души! славный былъ малый! Ну, что жъ сказалъ тебѣ полковникъ Ясинскій? скажи братъ Ефинъ.

Сказалъ, что мы сдѣлали важную услугу для всѣхъ, вотъ и все тутъ. А въ чемъ эта услуга состоитъ, и не знаю братцы. Скоро узнаете сами, и я поразскажалъ имъ кое-что изъ моего похождения.

Должно быть дѣло мы сдѣлали, потому что недѣлю черезъ полторы, когда перешли въ Зирены, мы съ этой стороны, а подполковникъ Пассекъ съ той, такъ начали жарить Шамиля съ его ордою, что едва только самъ убрался. А столько легко татарщины на томъ мѣстѣ, что едва-ли кто перечесть. Шамиль будетъ помнить во вѣки вѣковъ о томъ времячкѣ. Многимъ извѣстно, какое было тогда славное дѣло насъ дѣло! . . .

Вотъ что довелось мнѣ на своемъ вѣку видѣть и сдѣлать. . .

Осипъ Ивановъ.

тройкахъ. Летомъ они также долго остаются въ морѣ, имѣя на своихъ «трамбакахъ» соль въ значительномъ количествѣ и продавая добычу прямо съ борта. Рыбная ловля, какъ всякая другая извлекающая промышленность, есть, разумется, лотерея; случалось, что одинъ въ продолженіе цѣлаго дня не добывалъ ничего, кромѣ мелкихъ рыбокъ, которыми летомъ кормятъ птицъ мартыновъ, бросая ихъ къ нимъ на воздухъ; въ то же время другой, закинувъ одинъ разъ и выше по теченію, вытаскивалъ красной рыбы тысячи на двѣ цѣлковыя. Но тѣмъ не менѣе это промыселъ гораздо выгоднѣйшій, нежели многіе другіе; довольно уже того, что онъ не требуетъ отъ промышленника ни предвѣрныхъ свѣдѣній, ни значительнаго капитала. Если бы низовые казаки умѣли быть бережливыми, они давно были бы все богачами; но теперь у нихъ деньги уходятъ также быстро, какъ приходятъ, и между тѣмъ они вовсе не знаютъ действительныхъ удобствъ жизни. Они только одѣваютъ своихъ женъ въ шелковыя «кубелеки» и тратятъ на лакомства баснословныя суммы. Въ Елисаветовской (sic! вмѣсто Елисаветинской) станицѣ одно семейство изъ самыхъ бедныхъ должно въ лавку за драгійша Московскія конфеты 300 р. асс. Къ сожалѣнію, подобныя извѣнія находятъ сочувствіе между многими образованными Донцами; они говорятъ: казакъ «долженъ» проживать все, что онъ получаетъ, на то онъ и казакъ.

Третій значительный промыселъ составляетъ судоходство, которымъ занимаются жители Черкасскіе, Аксайскіе и нѣкоторые другіе. Они отдають въ наймы свои лодки подъ товары и вмѣстѣ съ своими работниками водятъ ихъ въ море. Между стариками есть такіе, которые по нѣскольку разъ бывали съ собственнымъ товаромъ въ Царьградъ. Къ несчастію путь по Дону не всегда бываетъ одинаково удобенъ. Изъ безчисленныхъ гирлъ рѣки судоходны только два: Каланча съ Егурчю и Череволова; по нимъ только поставлены маяки, но и здѣсь вода идетъ не болѣе 6 четвертей въ глубину. Какъ скоро начинается буря, сула спешать выйти въ открытое море; въ противномъ случаѣ ввѣтеръ загоняетъ ихъ въ камыши. А когда поднимается «низовка», тогда плаваніе внизъ становится совершенно невозможнымъ. Уголь паденія «тихаго» Дона такъ не великъ, что при вѣтрѣ нѣсколько значительно, воду несетъ на большое разстояніе вверхъ отъ устьевъ, и быстро мчатся по ней легкія лодки изъ моря къ Ростову; рѣка широко разливаѣтся по своимъ плоскимъ берегамъ, ерики наполняются, и переправы дѣлаются опасны въ высшей степени. Но особенно сильны бываютъ разлитія весной. Тогда нѣкоторыя станицы затопляются совершенно. Въ Старочеркасской даже построены на этотъ случай постоянные и довольно высокіе мосты черезъ площадь и въ другихъ мѣстахъ. Въ продолженіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ разлитія, дома покрываются водою, надъ ними строятся палатки, въ которыхъ спасаются семейства. Отправляясь на базаръ или въ другое мѣсто въ лодкѣ, мать привязываетъ маленькихъ дѣтей къ столбамъ, чтобы они не попадали въ воду. Въ Елисаветовкѣ капитанъ Ростовскаго парохода однажды весной нарочно провелъ свое судно между домами. Жители этой станицы и соседнихъ слободъ перебираются во время разлитія на лежащія по близости пять кургановъ, называемыхъ «Пятью Братами», и на древнее городище, строятъ тамъ себѣ землянки, кроютъ ихъ камышемъ и живутъ въ нихъ апрѣль, май и июнь. Но этимъ еще не кончаются бѣды, принимаемыя Дномъ. Какъ видно, въ прежнія времена главное его русло составлялъ Мертвый Донецъ: это дока-

зывается и гористымъ правымъ берегомъ посѣдяго, и лежащимъ на немъ, въ слободѣ Недвиговкѣ, Греческимъ городищемъ, которое нынѣ раскапывается на казенный счетъ, и наконецъ самымъ названіемъ «мертвый». Потомъ по какой-то причинѣ главное русло отошло въ лѣво. Въ настоящее время Донецъ снова жметъ въ правому берегу и сильно поднимаетъ его. Въ Елисаветовской станицѣ каждую весну только и слышно, что у одного повалило сарай, у другого разсело стѣнце. На памяти жителей рѣка заняла болѣе 100 сажень берега. Черезъ 50 лѣтъ здѣсь не останется, можетъ быть, ни одного строения. Къ счастью жителей, теперь маршуютъ для станицъ юрты, т. е. «ноземельное довольствіе», по 30 десятинъ на душу, принимая въ расчетъ только нынѣшнее народонаселеніе. Въ слѣдствіе этого къ Елисаветовкѣ отходитъ участокъ земли на Мертвомъ Донѣ, гдѣ нынѣ находится помѣщичья слобода Синявка; въ скоромъ времени многіе казаки переселятся туда.—Съ другой стороны Донецъ постоянно насыпаетъ новыя косы на своемъ лѣвомъ берегу, возвышаетъ ложе гирль и все болѣе выдвигаетъ свою дельту въ море. Страбонъ, писатель I вѣка по Р. Х., необыкновенно добросовѣстный, говоритъ, что устье Дона составляютъ два рукава и пространство между ними равняется 60 стадіямъ (10½ верстамъ); теперь ширина устья викакъ не менѣе 16 верствъ. На новыхъ косахъ, какъ вообще въ займищахъ, растетъ изумрудная трава и мѣстами садится лозника, принесенная волнами изъ верховьевъ. Когда бы вы знали, съ какимъ удовольствіемъ глаза встрѣчаютъ въ этой голой степи каждое деревцо; ему радуешься, какъ на сѣверѣ радуешься красному цвѣтку. А между тѣмъ, при нѣкоторой заботливости со стороны Дниевъ, здѣсь давно могли бы быть разведены цѣлыя лѣса. Я видѣлъ бугуны, построенные изъ лозинныхъ бревенъ, вкопанныхъ однимъ концемъ въ землю. Летомъ бревна прозябали, давали вѣтки и листья. По правилу, каждый казакъ обязанъ вкапывать въ землю по 25 лозинныхъ колець ежегодно (см. интересное сочиненіе г. Ходецкого). Впрочемъ, какъ бы то ни было, Донецъ принадлежитъ къ числу Русскихъ рѣкъ, наиболѣе судоходныхъ и представляетъ весьма удобныя пристани. Но въ томъ числѣ Ростовская отвѣдена къ Екатеринославской губерніи, а Аксайскою казаки пользуются далеко не въ той степени, въ какой могли бы пользоваться, если бы это мѣсто было выбрано для главнаго города.

Винодѣліе и садоводство составляютъ двѣ отрасли промышленности, которыя могли бы получить въ низовыхъ станицахъ весьма значительное развитіе. Виноградъ здѣсь почти не требуетъ ухода. При благоразумной сортировкѣ ягодъ, здѣшніе жители могли бы приготовить превосходное вино и снабжать имъ всю Россію; но теперь, когда и зрѣлыя, и зеленыя, и гнилыя ягоды валятся въ одинъ чанъ, блѣое вино пьетъ несприятный кислый вкусъ. Исключеніе составляетъ вино, приготовляемое на заводахъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ и въ томъ числѣ г. наказнаго атамана М. Г. Хомутова, которому принадлежатъ начатки всего, что только заводится добраго въ Землѣ Войска Донскаго. Въ красное вино, даже въ лучшее, кладутъ сахаръ въ большомъ количествѣ. Садоводство въ большомъ пренебреженіи. Во времена Императрицы Екатерины II ко двору доставлялись фрукты съ Дону; теперь ничего и думать о чемъ либо подобномъ. Въ одну зиму, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вымерзли все персиковыя деревья, которыя могутъ расти здѣсь подъ открытымъ небомъ: никто изъ владѣльцевъ и не позаботился выписать новыя и персики

сдѣлалась рѣдкою на Дону. На бахчахъ растутъ «гарбузы», дыни и «кабаки» (тыквы) въ огромномъ количествѣ, и въ то же время другія овощи разводятся въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, только для домашняго потребленія. Въ Черкасскѣ въ нихъ нуждаются; въ Таганрогѣ картофель продается на фунты и на счетъ.

Правительство заботилось о возвореніи промышленности въ этой странѣ, богато одаренной природою. Сперва были поселены Армяне въ Шахчисванъ на Дону, и съ нихъ началась здѣсь торговля; потомъ между казаками завелось было пятисотенное торговое общество, котораго членъ, заплативъ 250 р. асс. въ годъ, освобождается отъ всехъ повинностей; наконецъ, по соседству явились богатые торговые города: Ростовъ, Таганрогъ, Мариуполь. Донцы воспользовались всею этимъ далеко не въ той степени, въ какой могли бы воспользоваться.

Впрочемъ, къ чести казачества, не умираютъ и добрыя стороны прошлаго. Не умираютъ приязненные отношенія сословій, въ слѣдствіе которыхъ дочь чиновника выходитъ замужъ за простаго казака; не умираютъ и военныя доблести, прославившія Донское войско. Я любовался неразъ этими крѣпкими молодцами, ихъ могучими плечами и руками, выдержавшими не одну схватку съ Венгерцемъ или Черкесомъ, ихъ высокою грудью, ихъ широкими лицами, носящими самыя разнообразныя типы, ихъ удалыми хватками. Когда бы вы видѣли здѣшнихъ стариковъ! Человѣкъ въ 60 лѣтъ здоровъ, свѣжъ и силенъ, какъ у насъ не въ тридцатилѣтніе. Мало того, здѣсь есть свѣдые проказники. Недавно одинъ изъ нихъ, проведши бурю свою «молодость», рѣшился остепениться и женился на лѣвухкѣ, которой 20 лѣтъ; ему—80. Я увѣренъ, что есть семейства, въ которыхъ, въ случаѣ нужды, дѣдъ, отецъ и внукъ могутъ свѣсть на коней и «бѣжать» (взять) на войну. Торговецъ, который всю жизнь держалъ въ рукахъ аршинъ, проторговавшись и не будучи въ состояніи внести опредѣленную сумму въ пятисотенное общество, поступаетъ въ очередь на службу, и на другой день его нельзя отличить отъ всякаго другаго казака. И это самое служить доказательствомъ, что промышленность болѣе правильная и развитая никакъ не могла бы убить въ народѣ воинственный духъ. Къ сожалѣнію, есть одно внѣшнее обстоятельство, которое нѣсколько препятствуетъ такому развитію, — именно не совсѣмъ выгодное положеніе Новочеркасска, главнаго и единственнаго города Земли Войска Донскаго. Что такое Новочеркасскъ, я расскажу вамъ въ слѣдующемъ письмѣ.

А. К.

ПРИБЪХАЛИ: октября 3-го: изъ Ставрополя Генералъ-Майръ Юрьевъ, изъ Казбека Полковникъ Казбекъ, изъ Пятигорска Подполковникъ Джемарджидзе, изъ Гамборъ Майоръ Генинъ. 4-го: изъ Тамбова Коллежскій Ассесоръ Деризуа. 5-го: изъ Кутаиса Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ князь Подовановъ. 6-го: изъ гор. Сумъ Харьковской губерніи Подполковникъ Колодезевъ.

ВЫБЪХАЛИ: октября 3-го: въ Александрополь Подпоручикъ Киреевъ. 4-го: въ уроч. Царскіе-Колоды Полковникъ князь Андрониковъ, въ Манглисѣ Полковникъ Моллеръ. 6-го: въ Елисаветополь Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Десимонъ, въ Горію Коллежскій Ассесоръ князь Аргутинскій-Долгорукий.

По недостатку мѣста метеорологическія наблюденія прилагаются къ этому № отдѣльно напечатанныя.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

ТИФЛИСЬ, 7-го Октября 1855. Исправляющій должность Цензора А. Зайцевъ. Въ Типографіи Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго Редакторъ И. Сливницкій.